

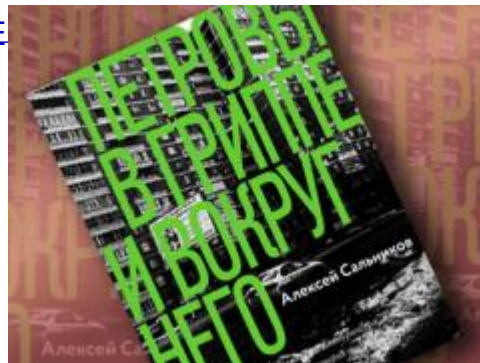
Петровы в энурезе, критика в психозе

[Александр КУЗЬМЕ](#)

(А. Сальников «Петровы в gripпе и вокруг него»; М., «АСТ», 2018)

Далече грянуло «ура!» – полки увидели Петровых...

Юнг называл литературу большим подарком для психиатра. Ситуация с уральским самородком войдет в учебники психиатрии как типичный случай индуцированного бредового расстройства. Другого определения для всеобщей благоговейной оторопи перед скуловоротно скучной и неряшливой книжкой у меня нет.

КАК В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

«Пишет Сальников как, пожалуй, никто другой сегодня – а именно свежо, как первый день творенья», – умилилась Галина Юзефович. Поначалу кажется, что рыба-лоцман пустила какой-то совсем уж мыльный пузырь: в первый день творения никто ничего не писал. Однако мало-помалу убеждаешься: а ведь права Галина Леонидовна, права! Именно как в первый день творения, будто на свете даже букваря не бывало (цитировать стану по журнальной публикации – там текст, судя по всему, достался читателю нецелованным).

Первое, что режет слух, – из рук вон скверная (для стихотворца, так и вдвойне) звукопись: «с рукописью», «с рисунками». Больше других автору по душе пришлось сочетание «с сыном» – оно повторяется добрых полтора десятка раз. Пуще всего докучает назойливый суффикс «вш»: он звучит 371 раз – «вырвавшись», «уступавшая», «сидевший» и проч. Алексей Борисович явно ошибся в диагнозе: не гриппом Петровы страдают, а энурезом и запущенным педикулезом.

Мало-помалу за легионами головных, платяных и лобковых вшей начинают брезжить контуры фраз и открытий чудных – в случае Сальникова эти понятия синонимичны. «Веранда летного <так в оригинале – А.К.> кафе в

спорт-баре, забранная диагональными рейками, была пуста, как в первый день творения». Поздравляю, новая редакция книги Бытия: «В начале сотворил Бог веранду. Веранда же была пуста и безвидна...» Или вот: «Мать как-то углядела свою подругу, тащившую дочь за руку, хотя та была довольно большой», – почему у девочки такая большая рука? Не иначе, акромегалия. Бедный ребенок...

Вновь помяну Юзефович: «Поразительный, единственный в своем роде язык». Да, поразительный. Но не совсем чтобы единственный – примерно так пьяный участковый пишет протокол: «он и на требование развода отреагировал в своем репертуаре»; «уговаривания смахивали уже чуть ли не на склонение к половому акту»; «сквозь многочисленную шерсть на морде»; «напряжения на почве вспахивания литературы»...

Самого большого напряжения на почве вспахивания текста потребует неукротимая авторская логорея. Предложения тянутся, как разогретый гудрон, – от 76 до 242 слов. Пример средней тяжести: «За время поездки шальные дети успели уже вычудить несколько номеров: единожды школьник успел сказать “жопа” на весь вагон, и как бы не ругалась педагогиня, остальные школьники одобрительно улыбались, успел один из школьников уже предложить своим одноклассницам выйти к вертикальному поручню и воспользоваться им как шестом для стриптиза, на что педагогиня заметила, что школьник уже повторяется в своих шутках, уж не хочет ли он, чтобы эта шутка ей особенно запомнилась, дабы она рассказала ее на родительском собрании, может, его родители тоже порадуются чувству юмора своего сына; успели уже школьники докопаться до классного ботаника, игравшего на телефоне, и успели обступить мужчину, который читал электронную книгу, успели похихикать над отпыхивающимся под гриппом Петровым, успели предостеречь одну из одноклассниц, чтобы она больше не падала в эпилептические припадки, успели изобразить этот припадок».

И на десерт – весь ассортимент корявого просторечия: «когда бы ее еще процепило», «дети поуламывали елку зажечься», «идти с трамвая», «мать вломила тумачков»...

Почему я всерьез застрял на сальниковских идиолектах? Язык и стиль, извольте видеть, – азы, начальная школа литературного мастерства. Не освоив прописей, в университет не поступают.

АКЫН ПОВСЕДНЕВНОСТИ

До сих пор так величали Владимира Козлова. Но сегодня халат, домбра и переходящий вымпел с профилем Джамбула вручаются Алексею

Сальникову. Награда нашла героя.

Принцип сюжетостроения «Петровых» сродни обработке огурцов от прикорневой гнили: 10 капель зеленки на ведро воды. Текст в 14 авторских листов едва ли не целиком состоит из нудного и бессодержательного нарратива. Вроде этого:

«Петрова ускакала на кухню, проверить лук – он уже зазолотился, но оставлять его на горячей сковороде, даже с выключенным газом, было уже нельзя, лук начал бы чернеть, Петрова сразу бухнула в кипящий суп все содержимое сковороды, и бульон, который до этого не выглядел бульоном, а выглядел просто мутной кипящей водой с картошкой и серым мясом внутри, сразу похорошел».

Сдается мне, А.С. трагически ошибся поприщем – он прирожденный инвентаризатор. Я тут халат помянул – выдайте синий, сатиновый. И нарукавники обязательны. Любая дрянь, попав автору на глаза, тут же оседает в амбарной книге: колготки дет. б/у – 2 пары, колготки жен. б/у – 1 пара, сапоги жен. б/у (замок неисправен) – 1 пара, аспирин 1979 г.в. – 1 уп., шоколад «Киндер-сюрприз» – 1 уп., футляр скрипичный б/у – 1 шт., шарфы шерстяные б/у – 9 шт. И далее по списку.

То же и с героями. По плотности населения «Петровы» напоминают кухню в сталинской коммуналке. Здесь Сальников походя спихнул с пьедестала рекордсменку Мариам Петросян и едва-едва не уделал абсолютного чемпиона Льва Толстого. Извините за сюрреализм с полутора землекопами, но: в «Войне и мире» на страницу текста приходится 0,39 персонажа, в «Петровых» (которые, кстати, четверо меньше по объему) – 0,31.

Едва ли не вся здешняя подтанцовка похожа на прокладки Always – тоже одноразового пользования. Персонажи выходят к рампе, чтобы тут же согнуться за кулисами, не вызывая ни симпатии, ни антипатии, ни даже любопытства, – ничему этому нет места в откровенно клиповой нарезке ничего не значащих эпизодов. Не процепило, говоря языком А.С.

Штабеля бесполезного утильсырья и броуновская сутолока ненужных статистов с головой выдают отсутствие какого-либо концепта: отбор и ранжир возникают там, где есть идея.

38 КУБИЧЕСКИХ ПОПУГАЕВ

Пересказать «Петровых» трудно, но возможно. Сейчас попробую.

Итак: автослесарь Петров бухает со своим знакомым Артюхиным Игорем Дмитриевичем, чьи инициалы, подсказывает добрый автор, образуют акроним Аид. Попутно выясняется, что Аид не может иметь детей (фигня, в византийской Суде упомянута Макария, дочь Аида и Персефоны, богиня

блаженной смерти). Однако 20 с лишним лет назад Игорю удалось обрюхатить девку. Та решилась было на аборт, но тут на новогодней елке ей подвернулся маленький Петров. Она и передумала. Аид, как умел, отблагодарил Петрова, достав ему жену «чуть ли не из самого Тартара». Что, в общем-то, близко к истине: благоверная-то – маньячка, мужиков по ночам режет. Кстати, и Петров не без греха: когда-то помог застрелиться другу-графоману по имени Сергей. Исчерпав злодеяния Петровых, автор скороговоркой рассказывает историю аидской подружки. Между первым и последним эпизодом – пространство в 400 страниц, до отказа забитое линиялыми колготками, ношенными шарфами, плоскогубцами, отвертками и стеклотарой. Мимолетный Артюхин к финалу прочно забыт. Господи, неужто перечитывать придется?..

Ладно, сложим головоломку, замкнем цепь – и?.. Где профит? Поднимите мне веки – не вижу! Чем Сальников меня обогатил – новым знанием, дерзкой эстетикой? Какого рожна я жевал это мочало длиной в 90 тысяч слов?

Дефицит смысла – это всегда профицит домыслов и вымыслов. Привет от Марка Твена: «Нас с вами надули – здорово надули! Но мы, я думаю, не желаем быть посмешищем всего города, чтоб над нами всю жизнь издевались. Вот что: давайте уйдем отсюда спокойно, будем хвалить представление и обманем весь город!» Поэтому самые изворотливые критики стоически симулируют понимание.

Николай Александров предлагает солипсистскую версию в духе «Бойцовского клуба»: «Никакой Петровой нет – это выдумка Петрова и часть его самого. Это фантом, его раздражение... Кстати, и Сергея никакого отдельного не было... Сергей – это тоже Петров, убивший в себе писателя... Так что остается один Петров. И, вполне возможно, действительно в grippe. А все остальные – “призраки его воображения”, говоря его же словами».

Олег Демидов подозревает Петровых в наркомании: «Если бы Сальников был смелей, книга называлась бы – “Петровы в трипе и вокруг него”. Он ведь с этой темой хочет поработать. Но никак не решается... “Петровы” – скучный трип, замаскированный под грипп». Слава Богу, хоть не триппер. Юлия Подлубнова мыслит глубже коллег: «Петров, он ведь тоже не просто так Петров, он через фамилию связан с камнем, а Урал – это Камень и есть». Да! Да! А «Юлия» по-латыни – «пушистая», вот и рецензии соответственные...

При желании можно пойти и дальше – объявить героев киборгами, зомби или разумными вирусами, перетащить на язык родных осин имя Петровой –

Нурлыниса, сиречь «лучезарная»... Ибо бессмыслица вмещает в себя все смыслы, которые в состоянии изобрести читательский ум. Это длину измеряют метрами, а вес килограммами. Для фикции сгодится любой аршин – ректальный психоанализ, квантовая фонетика, погонные мартышки и кубические попугаи.

ЦВЕТЫ НЕВИННАГО ЮМОРА

«Почти на каждой странице есть определение, каламбур или деталь, над которой смеешься вслух», – настаивает Дмитрий Быков. Повеселимся? «Путем витиеватого высказывания дрожащим от сдерживаемого гнева голосом он дал понять, что подозревает, что у кондуктора давно не было никаких интимных отношений ни с противоположным, ни со своим полом, еще он, кажется, намекнул, что интимных отношений у кондуктора не было вообще никогда, а если и были, то партнер кондуктора был очень непредвзят».

Ржунимагу. Ильф и Петров уволены за профнепригодность, Булгаков и Зощенко записываются на мастер-класс к мэтру, а Быков был ну о-очень непредвзят...

ОШИБКА РЫБЫ-ЛОЦМАНА

Вопрос покруче гамлетовского: как пустопорожний и косноязычный текст из безликой журнальной публикации стал литературным событием? Прозы такого качества в российской периодике – как говна за баней. Больше скажу: в 2015-м Сальников собрал свой первый роман из тех же самых деталей – летальная доза бытовухи, пудовые остроты, грипп, развод и жена-инопланетянка. Народ безмолвствовал, не то что нынче. Тут, воля ваша, не без водолаза.

По непроверенным агентурным данным, индуктором околпетровского бреда стала Галина Юзефович. Во всяком случае, рыба-лоцман, оседлав «Медузу», отбуксировала Сальникова в нацбестовскую гавань – это совершенно точно. Не спрашивайте, отчего выбор пал именно на А.С.: мотивации – самая темная область человеческой психики. Не выведать мне, буржуину, военно-девичью тайну.

Одно бесспорно: протезировать графоманам – фамильное свойство Юзефовичей. Леонид Абрамович притащил в литературный бомонд Алексея Иванова, изобретателя сабель с бунчуками и родителя вареных утопленников. Галина Леонидовна нежно опекает Сальникова, отца девочек с акромегалией.

Архикритикесса всея Руси очень точно определила свое место в

литературе: рыба-лоцман очищает крупных морских позвоночных от паразитов. Юзефович занята тем же: если будут ваши грехи как багряное – как снег убелит. И всем по порядку даст шоколадку. Ну, ошиблась немного: приняла мусорного пангасиуса за акулу. Вот уж невидаль, такие казусы у Галины Леонидовны всяк Божий день...

ШИЗОФРЕНИЯ, КАК И БЫЛО СКАЗАНО

Могу понять Владислава Толстова, который объявил местом действия романа Москву (ага, Уралмаш – он на Арбате). Это же почти классика: не читал, но одобряю. Респект, коллега, я так не умею.

Остальные стали реципиентами бредовой фабулы. Практически любой рецензент «Петровых» проявляет симптомы психического расстройства, как-то: речевое возбуждение, бредовые интерпретации и дезорганизация мышления.

Елена Макеенко: «Одна из прелестей этого текста в том, что даже заспойлерить его практически невозможно».

Михаил Визель: «Невозможно согласиться с упреками о неровном ритме и провалами языка <грамматические ошибки автора – А.К.> – такая клочковатость несет эстетическую функцию».

Олег Демидов: «Не говорите, что Сальников написал плохую книгу. Это будет не совсем правдиво... Автор все время скатывается либо в банальность, либо в пошлость».

Слышу, в дверь ломятся – должно быть, профессор Стравинский с доктором Титанушкиным. Впрочем, хватит нам и Наума Коржавина: плюрализм в одной голове есть шизофрения.

ЭТО МНОГИХ СЛАВНЫЙ ПУТЬ

Опус Сальникова, серый и громоздкий, как окраина Ёбурга, сам по себе не интересен. Он интересен лишь как индикатор патологий нашей словесности. Хотя тоже не уникальный случай: были и танцы с бубнами возле стоеросовой Денежкиной, и коллективный оргазм при виде полуграмотного Непогодина. А еще... и кроме... Но финал один на всех, пушкинская рифма: «поэта – Лета».

В добрый путь, Алексей Борисович. Артюхин заждался.

[Александр КУЗЬМЕНКОВ](#) - 01 апреля 2018

<http://webkamerton.ru//2018/04/petrovy-v-enureze-kritika-v-psihoze>